

Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,
за 3 мѣсяца
50 коп.
Цѣна отд. № 5 н.

№ 127
(Апрѣль).
1909.

ПОДПИСА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦІИ
Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей
и въ канцеляріи
ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: Противъ видимыхъ враговъ, когда они раздражаютъ насъ, надлежитъ употреблять молчаніе.—Молчаніе надлежитъ умеряти а во гнѣвъ подobaетъ молчати.—Да святится имя Твое! Свѣц. С. Козубовскаго.—Чѣмъ жива наша русская православная душа Никона, Епископа Вологодскаго и Тотемскаго.—Черезъ 70 лѣтъ на могилѣ Николая Матвѣевича Рынина (подвизавшагося Христа ради въ Вологдѣ).—Изъ приходской жизни. Мольба безъ пива.

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ БЕЗПЛАТНО.

ПРОТИВЪ ВИДИМЫХЪ ВРАГОВЪ, КОГДА ОНИ РАЗ- ДРАЖАЮТЪ НАСЪ, НАДЛЕЖИТЪ УПОТРЕБЛЯТИ МОЛЧАНІЕ.

Когда кто поноситъ насъ, злословить, возбуждаетъ къ наглости и ссорѣ, тогда подобаесть намъ употребляти молчаніе, тогда да не стыдимся быти нѣмыми; грѣшникъ бо есть раздражающій насъ, приносящій и хотящій сотворити насъ подобными себѣ. Таковой когда видитъ тебя молчаща, обыкновенно глаголетъ: что ты замолкъ? говори, когда смѣши, но не смѣши, нѣмъ: безъ языка я учинилъ тебя. И такимъ образомъ тогда больше токмо рвется, и мнитъ себя быти побѣжденна, осмѣянна, презрѣнна и поруганна. Если напротивъ не лишиши его отвѣта, то помышляетъ что побѣду одержалъ, нашедъ себѣ равнаго. Ибо другіе, примѣтивъ твою молчаливость, стануть о тебѣ говорить: такой то злословилъ его, а онъ презиралъ того. Если же за поношеніе заплатишь взаимнымъ поношеніемъ, то будутъ говорить: оба другъ друга злословили. И такъ оба осуждаются, а ни одинъ не оправдается. Слѣдовательно врага моего дѣло есть, тщатися побудить меня ко изреченію и содѣянію подобнаго. А до праведника надлежитъ молчати, ничего не глаголати, сохранять плодъ добрыя совѣсти, больше повѣряти разсужденію добрыхъ, нежели наглости поносящаго, довольну быти важностію своихъ нравовъ. Сіе есть *умолчати отъ благъ* (Псал. 38, ст. 3): понеже не вѣдящій за собою порока не долженъ трогатися лжею, ниже помышляти, что больше важности есть въ чужомъ злословіи, нежели въ свидѣтельствѣ своя совѣсти. Такимъ образомъ можетъ онъ сохранить и смиреніе.

Изъ твореній св. Аверосія Медиоланскаго.

МОЛЧАНІЕ НАДЛЕЖИТЬ УМЪРЯТИ, А ВО ГНѢВЪ ПОДОБАЕТЪ МОЛЧАТИ.

Нѣмымъ ли надлежитъ намъ быти? Никакъ. Есть бо время молчати и время глаголати. Когда за праздное слово воздадимъ отвѣтъ, то надлежитъ блюстися, дабы не воздать онаго и за праздное молчаніе. Ибо иное молчаніе есть велико и многодѣйствующе, каково было молчаніе Сосанны, которая больше содѣяла молча, нежели когдабъ предпріяла говорить (Даніила 3). Самъ Господь во Евангеліи молча содѣвалъ спасеніе человѣковъ (Матѣ. 26 ст. 73). Справедливо Давидъ не молчаніе всегданнее себѣ опредѣлилъ, но храненіе. Свяжи слово твое, да не будетъ невоздержно и продерзостно, да чрезъ многоглаголаніе не собереть себѣ грѣхи: да будетъ умѣренно, и останавливается на своихъ границахъ. Разлившаяся рѣка скоро собираетъ грязь. Свяжи мысль твою, да не будетъ слаба и малодушна. Чистая мысль имѣетъ свое обузданіе, коимъ бываетъ управляема. Въ устѣхъ твоихъ да будетъ дверь, ради заключенія оныхъ, когда потребно: да заграждаются прилежно, дабы кто гласа твоего не возбудилъ ко гнѣву, и ты не воздалъ поношенія за поношенія. Слышалъ ты чтенное вчера: *гнѣвайтесь, и не согрѣшайте* (Псал. 4 ст. 5). И такъ когда мы гнѣваемся, (понеже сіе есть свойство природы, а не дѣло власти), срамныхъ словъ да не произносимъ изъ устъ нашихъ, да чрезъ то не впадаемъ во грѣхъ: но словесамъ твоимъ сотвори вѣсь и мѣру, и языкъ твой покоряй твоему разуму. Да воздерживается онъ, да имѣетъ свое обузданіе, которымъ бы могъ быти возвращаемъ вспять: слова да произноситъ по мѣрилу правды, въ разумѣ ихъ да будетъ пріятность, важность и умѣренность.

Изъ твореній св. Амвросія Медиоланскаго.

ДА СВЯТИТСЯ ИМЯ ТВОЕ!

„Да святится имя Твое!“... Такъ учить насъ молиться Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ. Богъ святъ и праведенъ,—и такой-же святости требуетъ и отъ насъ (1-е Петра 1, 15—16).

Какъ вѣчная и совершеннѣйшая Святость, Богъ создалъ міръ для святости и правды, а не для грѣха и неправды. Поэтому-то намъ должно жить свято, чтобы своею святою, богоугодною жизнью святить имя Божіе!... *„Такъ да просвѣтитсѣ свѣтъ вашъ предъ челоуѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, Иже есть на небеснѣхъ“*...

Добрая, святая жизнь челоуѣка—и въ окружающихъ его людяхъ пробуждаетъ порывы къ добру и святости, къ дѣламъ любви и милосердія... *„Иже сотворитъ и научитъ, сей велий наречетсѣ въ Царствіи Небеснѣхъ“*...

Какъ радостно бываетъ читать о жизни святыхъ Божіихъ,— „о томъ, какъ они жили въ пустыняхъ, какъ спасались, терпѣли голодъ, царей (языческихъ) не боялись, Христа исповѣдали, какъ имъ птицы небесныя кормъ носили и звѣри ихъ слушались, какъ на томъ мѣстѣ, гдѣ кровь ихъ падала, цвѣты вырастали“ (И. С. Тургеневъ).

Хорошо бываетъ въ лѣсу весною, когда все цвѣтетъ и зеленѣетъ, когда и хоры птичекъ, и ясное голубое небо, и благоуханный вѣтерокъ, и шелестъ древесный,—все вдохновенно славитъ Господа силъ, дивнаго въ дѣлахъ Своихъ!... Атмосфера житійной святости живо напоминаетъ намъ эту цвѣтущую картину родной природы!...

И какъ жителей городовъ тянетъ весною изъ душныхъ квартиръ на свѣжій вольный просторъ полей и лѣсовъ, такъ и насъ, омраченныхъ грѣхомъ, потонувшихъ въ липкой и вязкой грязи беззаконій—порою тянетъ на свѣтлыя и цѣлящія вершины духовной чистоты и святости, вдохновенной молитвы и радости святого богообщенія!... Только въ Богѣ—счастье, и нигдѣ болѣе!..

„Темной ночью свѣтять звѣзды,—

И дорогу освѣщаютъ;—

Въ ночи зла святые Божьи

Свѣтлой жизни научаютъ“....

Божьи угодники—звѣзды на небѣ Божіемъ. И чѣмъ гуще мракъ вокругъ насъ, тѣмъ они ярче блистаютъ намъ святынею добра и правды; тѣмъ сильнѣе зовутъ насъ къ чистой Божіей жизни!...

Грязь и смрадъ царятъ на задворкахъ большихъ городовъ; всякъ сторонится этихъ скопищъ нечистотъ и очаговъ заразы; всякъ, по мѣрѣ силъ, заботится объ очисткѣ и обеззараженіи этихъ смрадныхъ мѣстъ... Зло, по самой природѣ вещей, отталкиваетъ, а добро и святость—зоветъ и привлекаетъ... И бла-

жень, кто умѣетъ различать эти уроки видимаго міра и природы, и по этимъ внѣшнимъ признакамъ—восходить къ вещамъ небеснымъ, непреходящимъ, нетлѣннымъ!..

Добро и въ началѣ, и въ концѣ жизненнаго подвига, у преддверія вѣчной жизни, даетъ радость и счастье... И чѣмъ болѣе человѣкъ укрѣпляется въ добрѣ и правдѣ, тѣмъ эта радость и счастье все усиливаются и возрастаютъ... Особенное, самое высшее счастье и самая блаженная радость—заключаются въ любви къ Богу и людямъ,—въ любовной дѣятельности во славу Бога и на истинную пользу ближнихъ!..

„Кто соблюдаетъ слово Божіе, въ томъ истинно любовь Божія совершилась: изъ сего узнаемъ, что мы въ Богѣ. Кто говоритъ, что пребываетъ въ Немъ, тотъ долженъ поступать такъ, какъ Онъ поступалъ. Кто говоритъ, что онъ во свѣтѣ, и ненавидитъ брата своего, тотъ еще во тьмѣ. Кто любитъ брата своего, тотъ пребываетъ во свѣтѣ, и нѣтъ въ немъ соблазна. А кто ненавидитъ брата своего, тотъ находится во тьмѣ и во тьмѣ ходитъ, и не знаетъ, куда идетъ, потому что тьма ослѣпила ему глаза... Не любите міра, ни того, что въ мірѣ: кто любитъ міръ (соблазны), въ томъ нѣтъ любви Отчей... И міръ проходитъ, и похоть его, а исполняющій волю Божію пребываетъ во вѣкъ... Если вы знаете, что Христосъ праведникъ, знайте и то, что всякій, дѣлающій правду, рожденъ отъ Него... Смотрите, какую любовь далъ намъ Отецъ, чтобы намъ называться и быть дѣтьми Божіими... И всякій, имѣющій сію надежду на Него, очищаетъ себя, такъ какъ Онъ чистъ... Всякій, пребывающій въ Немъ, не согрѣшаетъ (грѣхами къ смерти); всякій согрѣшающій (хулою на Духа—крайнимъ упорствомъ и нерадѣніемъ о душѣ своей) не видѣлъ Его и не позналъ Его. Дѣти! да не обольщаетъ васъ никто. Кто дѣлаетъ правду, тотъ праведенъ, подобно какъ Онъ праведенъ. Кто дѣлаетъ грѣхъ, тотъ отъ діавола, потому что сначала діаволъ согрѣшилъ. Для сего-то и явился Сынъ Божій, чтобы разрушить дѣла діавола. Мы знаемъ, что перешли отъ смерти въ жизнь, потому что любимъ братьевъ; не любящій брата пребываетъ въ смерти... Кто имѣетъ недостатокъ въ мірѣ, но, видя брата своего въ нуждѣ, затворяетъ отъ него сердце свое,—какъ пребываетъ въ томъ любовь Божія? Дѣти мои! станемъ любить не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною. И вотъ, по чему узнаемъ, что мы отъ истины, и успокоиваемъ предъ Нимъ сердца наши; ибо если сердце наше осуждаетъ насъ, то *кольми паче* Богъ, потому что Богъ больше сердца нашего и знаетъ все. Возлюбленные! если сердце наше не осуждаетъ насъ, то мы имѣемъ дерзновеніе къ Богу, и чего ни попросимъ, получимъ отъ Него, потому что соблюдаемъ заповѣди Его и дѣлаемъ благоугодное предъ Нимъ“ (1 е посл. св. І. Богослова, гл. 2-ая и 3-ая).

Святые Божіи жили *именно такою жизнію*; поэтому - то отъ ихъ „обликовъ зовущихъ“ вѣетъ нетлѣнною красотою и вѣчною благоуханною свѣжестію животворящаго Духа Божія!... Вспомнимъ недавно усопшаго о. Іоанна Кронштадтскаго....

А мы... Боже Святый! Пощади и помилуй насъ!... Наша жизнь полна грѣховъ, братской крови и всякихъ беззаконій; она жжетъ и душитъ, какъ проказа!... Гдѣ наша любовь, наши добрыя дѣла, наша радость и чистота во Христѣ—Спасителѣ?...

Но не унывай и не падай духомъ, грѣшникъ! Господь знаетъ, что „всѣ мы много согрѣшаемъ“ (Іакова 3, 2),—и что „если мы говоримъ, что не имѣемъ грѣха,—обманываемъ самихъ себя, и истины нѣтъ въ насъ“ (1 Іоан. 1, 8). Величайшіе праведники, какъ св. Апостоль Павелъ, считали себя „первыми изъ грѣшниковъ“!..

Спѣши къ матери твоей, св. Православной Церкви, унылый грѣшникъ! Она утѣшитъ тебя, и дастъ силы жить по-Божьи.

„Если исповѣдуемъ грѣхи свои, то Онъ, будучи вѣренъ и праведенъ, проститъ намъ грѣхи наши и очиститъ насъ отъ всякой неправды“ (1-е Іоанна 1, 9).

Священникъ С. Козубовскій.

Чѣмъ жива наша русская православная душа.

(Продолженіе).

V.

А вотъ смерть инока въ обители преподобнаго Сергія

Сей инокъ былъ—іеромонахъ Θεодосій, въ отличіе отъ другихъ Θεодосіевъ прозванный „чернымъ“ (онъ имѣлъ темные волосы). Это былъ чудный чтець, и проходилъ онъ послушаніе головщика на лѣвомъ клиросѣ.

Никто не проживетъ безъ искушеній; пришло и къ нему искушеніе. Явился у него помыслъ—быть гдѣ-нибудь настоятелемъ. И сталъ онъ домогаться этого. При посредствѣ профессора Московской духовной академіи, Петра Симоновича Казанскаго, онъ сталъ извѣстенъ брату его, преосвященному Платону, епископу Костромскому, который и предложилъ ему быть исправляющимъ должность настоятеля Песошинскаго монастыря, въ званіи казначея, такъ какъ настоятелемъ этого монастыря состоитъ Костромской викарій, живущій въ Костромѣ, и монастырь управляется казначеемъ. Покойный намѣстникъ лавры, о. Антоній, отговаривалъ Θεодосія: „ну какой ты настоятель? Откажись!“— Но Θεодосій не послушался и перешелъ въ Костромскую епархію, гдѣ и былъ назначенъ исправляющимъ должность настоятеля. Отпуская его, о. Антоній сказалъ: „ну смотри, вини себя, если что случится. Такія искушенія даромъ не проходятъ“.

И не прошло даромъ это искушеніе для о. Ѳеодосія.

Мы не знаемъ самихъ себя, не знаемъ своего собственнаго сердца: какія страсти тамъ живутъ, какую силу надъ нами имѣютъ. Пока человѣкъ пребываетъ въ послушаніи волѣ Божіей, дотолѣ Господь покрываетъ его отъ пагубнаго дѣйствія въ немъ страстей, а какъ скоро онъ уклоняется съ пути сего смиреннаго послушанія на путь своеволія—быть бѣдѣ! *Имже нѣсть управленія—падаютъ яко листвіе.* Такъ случилось и съ о. Ѳеодосіемъ. Началось съ того, что онъ сталъ выпивать: самъ вѣдь хозяинъ въ монастырѣ! Затѣмъ вскорѣ завязалось недоброе знакомство, начались пирушки... Но Богъ не оставилъ несчастнаго: не долго такъ продолжалось,—узналъ владыка, вразумилъ его, да и у самого скоро проснулась совѣсть. „Такъ нельзя!“ сказалъ онъ самъ себѣ: „не гожусь я въ начальники, вѣдь такъ совѣмъ погибнешь!“ И онъ ѣдетъ въ лавру, падаетъ къ ногамъ о. Антонія и умоляетъ его принять заблудшую овцу обратно въ число братіи. Старецъ любовно побранилъ его, и конечно принялъ. И вотъ о. Ѳеодосій снова на клиросѣ, снова головщикомъ, воспѣваетъ хвалу Богу своимъ задушевнымъ теноромъ. Испушеніе миновало: онъ сталъ трезвеннымъ и исполнительнымъ инокомъ. Надвинулась старость, и Богъ судилъ ему перенести тяжкую болѣзнь: ракъ или суженіе пищевода. Съ благодарностью къ Господу, за грѣхи наказующему здѣсь, чтобы помиловать тамъ, принялъ онъ эту болѣзнь; зная, что смерть неизбѣжна, онъ сталъ готовиться къ ней. Близкіе къ нему братія нерѣдко заставляли его въ молитвенномъ настроеніи, въ слезахъ умиленія. „По дѣломъ Господь наказуетъ меня, говорилъ онъ: слава Его милосердію! Еще не того заслужилъ я грѣшный“. Время шло, болѣзнь дѣлала свое дѣло. За полгода до смерти онъ уже пересталъ принимать твердую пищу. Настала осень. Старецъ замѣтно слабѣлъ. Въ началѣ декабря онъ особоровался. На праздникъ Святителя Николая пожелалъ причаститься Святыхъ Христовыхъ Таинъ. Утромъ въ этотъ день пришелъ къ нему другъ его, архидіаконъ Товія ¹⁾, чтобы прочесть ему правило. Правило прочтено. Въ сосѣдней съ его келліей церкви святыхъ Зосимы и Савватія пропѣли причастный стихъ. Старецъ надѣлъ мантію, эпитрахиль и поручи. Скоро дверь келліи открылась, и іеромонахъ, больничный строитель Палладій, въ предшествіи іеродіакона Исидора принесъ Святые Дары... Благоговѣнно поднялся на встрѣчу грядущему Господу о. Ѳеодосій, поддерживаемый своимъ другомъ. Лицо его сіяло умиленіемъ и духовнымъ восторгомъ. Іеромонахъ подошелъ и сталъ читать молитву: „Вѣрую, Господи, и исповѣдую“... Слезы катились по лицу старца Божія... Снять

1) Нынѣ о. архимандритъ, намѣстникъ Троицкой Сергіевой лавры.

покровъ съ Святыхъ Даровъ, но... вдругъ произошло замѣшательство: діаконъ забылъ лжицу. Прошло двѣ-три минуты, пока діаконъ принесъ лжицу. Все это время старецъ стоялъ въ неизреченномъ умиленіи, втайнѣ молясь Господу, потупивъ взоры. Наконецъ діаконъ пришелъ, и болящій причастился каплею животворящей крови Господней. Святые дары унесены, и старецъ утомленно опустился на постель. Его другъ прочиталъ ему благодарственныя молитвы и, прощаясь, сказалъ: „Отче! у тебя сегодня Пасха: привѣтствую тебя сею радостію. Молю Бога да сподобитъ насъ праздновать оную въ невечернемъ дни царства Его. Прости, мнѣ надобно итти въ соборъ на служеніе, а ты отдохни; вечеромъ я навѣщу тебя“.

Послѣ вечерни о. Товія пришелъ къ болящему.

— „Какое, братъ, искушеніе было давеча: вѣроятно, ты утомился, ожидая святой лжицы?“

— Нѣтъ, другъ мой: то было не искушеніе, а великая милость Божія ко мнѣ грѣшному, великое мнѣ утѣшеніе, котораго я, грѣшникъ окаянный, недостойнъ,—отвѣтилъ болящій.

Въ его глазахъ было какое-то неземное выраженіе глубокаго сердечнаго умиленія. Черезъ минуту онъ, какъ бы въ отвѣтъ на молчаливый вопросъ своего друга, тихо сказалъ:

— Да, братъ, великая милость Божія. Отъ тебя-то я не укрою, но заклинаю тебя никому до моей смерти не говорить о томъ.

— Будь спокоенъ: твое слово свято соблюду, сказалъ о. Товія.

— Ну, слушай: когда Святые Дары показались въ дверяхъ моей кельи, то блеснулъ необычайный свѣтъ, келья была полна этого свѣта. А когда открыты были Святые Дары, то я уже больше не видѣлъ отца Палладія; предо мною стоялъ... Самъ Господь нашъ!.. И все время, пока ходилъ въ алтарь іеродіаконъ, я видѣлъ предъ собою Господа моего; съ трепетомъ сердечнымъ я умолялъ Его благость: помиловать меня окаяннаго... И изъ Его пречистыхъ рукъ я принялъ святяя Тайны... Какъ же это—не милость Божія! Слава безконечному Его милосердію...

И сладкія слезы умиленія обильно текли по истомленному болѣзнію, но прекрасному лицу старца Божія.

Такъ Господь, по неизреченному Своему милосердію къ искренно кающимся грѣшникамъ, снисходитъ къ нимъ, такъ иногда утѣшаетъ отходящихъ къ Нему съ вѣрою и мытаревымъ настроеніемъ.

На другой день старецъ тихо отошелъ ко Господу, съ Которымъ соединился во Святыхъ Его Тайнахъ...

Тотъ же другъ его, о. Товія принялъ его послѣдній вздохъ и закрылъ ему очи; при помощи двухъ иноковъ, онъ опряталъ его, одѣлъ во всѣ монашескія одежды, приготовленныя покой-

нымъ задолго до смерти, и, положивъ во гробъ, началъ надъ нимъ обычное чтеніе Святаго Евангелія...

Еще при жизни покойный указалъ о. Товіи на большую шка-тулку, въ коей хранились всѣ необходимыя для иноческаго по-гребенія вещи, сказавъ: „тутъ все, что нужно будетъ, когда я умру.“ На всѣхъ вещахъ были записки, указывающія время ихъ приготовленія: нѣкоторыя были помѣчены за 17 лѣтъ до его смерти. Ясно, что память смертная была всегдашнею спутницею его жизни.

Буди ему вѣчная память!

VI.

Вотъ еще смерть, смерть мірянина, почти у ногъ преподоб-наго Сергія.

Долго жилъ при лаврѣ, въ гостинницѣ, почтенный старецъ, одинъ изъ помилованныхъ декабристовъ, князь Иванъ Сергѣевичъ Друцкой-Сокольницкій. Каждый день, не смотря ни на какую погоду, и лѣтомъ, и зимою, ходилъ онъ къ службамъ Божіимъ, а если ужъ очень понеможетъ, то все же непременно придетъ поклониться преподобному Сергію. Бывало, на улицѣ бушуютъ вьюга и метель, вѣтеръ сшибаетъ съ ногъ, а князь идетъ отъ старой гостинницы по бульвару, кутаясь въ свою старинную шинель покроя николаевскихъ временъ, почасту поворачиваясь спиною впередъ, чтобъ защитить свое лицо отъ рѣзкаго вѣтра, а уже непременно придетъ онъ къ угоднику Божію, помолиться святымъ иконамъ мѣстнымъ—Троицѣ, писанной преподобнымъ Андреемъ Рублевымъ, ученикомъ преподоб-наго Сергія, и Богоматери. А потомъ падаетъ предъ ракою чудотворца и такъ долго—долго лежитъ ницъ, молитвенно бесѣ-дуя съ угодникомъ Божіимъ.

И вотъ, разъ, въ бурный зимній день, въ послѣобѣденный часъ, пришелъ онъ въ соборъ. У гроба преподобнаго стояли на чредѣ—іеромонахъ Никаноръ и іеродіаконъ Артемій. Въ храмѣ было пусто. Онъ подонелъ подъ благословеніе къ іеромонаху, который участливо спросилъ его: почему его долго не было видно?—„Все болѣлъ, отвѣтилъ князь: и теперь болѣю. Сегодня почувствовалъ себя немного получше и, не смотря на запреще-ніе доктора, пришелъ вотъ къ преподобному. Думаю: можетъ быть въ послѣдній разъ“.

Приложившись къ святымъ мощамъ, онъ пошелъ, по обы-чаю, поклониться и мѣстнымъ иконамъ въ иконостасѣ. По долгу стоялъ онъ предъ каждою иконою и молился. Подойдя къ иконѣ Богоматери, онъ сталъ опускаться какъ бы на колѣна, потомъ упалъ на бокъ и... больше уже не вставалъ... Когда къ нему подошли иноки, оказалось, что его душа уже отлетѣла туда, куда возносилась его молитва.

Блажени мертвіи, умирающіи о Господь: ей, глаголетъ Духъ, почиють бо отъ трудовъ своихъ!...

Черезъ 70 лѣтъ на могилѣ Николая Матѣевича Рынина (подвизавшагося Христа ради въ Вологдѣ).

27 марта 1837 года улицы города Вологды, ведущія отъ Власьевской церкви къ Богородскому кладбищу, запружены были народомъ. Казалось, что сюда собрался весь городъ, не смотря на то, что въ тотъ день стояла ненастная погода—оттепель и шелъ дождь. Хоронили Николая Матѣевича Рынина, юродиваго, въ прозорливость котораго вѣрили многіе, испытавшіе правду его словъ въ событіяхъ своей жизни. Глубоко уважая покойнаго, всякъ старался протискаться къ его гробу, чтобы проститься съ нимъ, отдать ему послѣдній долгъ. Очевидцы рассказываютъ, что отъ гроба разносилось необыкновенное благоуханіе. Въ толпѣ слышался крикъ бѣсноватыхъ, съ пѣной валявшихся по землѣ, раздавались рыданія и вопли. Народъ останавливалъ гробъ. Шествіе совершалось весьма медленно, и когда оно вступило въ ограду кладбища, съ соборной колокольни понеслись звуки колокола къ вечернѣ и вспомнились тогда слова брата Николая Матѣевича—Ивана, не пожелавшаго исполнить завѣтъ покойнаго—похоронить его въ Прилуцкомъ монастырѣ, потому что погребеніе здѣсь сопряжено было для брата съ большими заботами,—братъ съ сердцемъ говорилъ: „ну, его дурака, пожалуй къ вечернѣ туда въ монастырь не довезти“... Тѣло Николая Матѣевича принесено было на Богородское кладбище съ благовѣстомъ къ вечернѣ.

Николай Матѣевичъ былъ Божій человѣкъ, происходилъ онъ изъ купческаго званія, родился 9 мая 1777 года и крещенъ во Власьевской, г. Вологды, церкви, въ приходѣ которой находился двухъэтажный полукаменный съ солодовеннымъ заводомъ домъ отца его Матѣя Ивановича Рынина (домъ сохранился и донинѣ, онъ принадлежитъ наслѣдникамъ купца К. Девяткова). Въ дѣтствѣ Николай Матѣевичъ научился читать и писать. Послѣ него остались двѣ тетради, писанныя его рукою: въ нихъ надъ многими словами поставлены титлы. Неизвѣстно, что дало душѣ Николая Матѣевича благодатный толчекъ, но достовѣрно, что еще въ молодыхъ годахъ онъ возжелалъ жить для Бога и Ему Одному послужить. Богатство, прелести міра, всѣ улады, которыми Николай Матѣевичъ могъ пользоваться, благодаря имѣющимся средствамъ, онъ отвергъ. „Иди, продай имѣніе твое и отдай нищимъ“—эти слова Спасителя, смутившія юношу, ушедшаго съ печалью отъ Христа, запали въ сердце Рынина. Онъ увидѣлъ, что ему невозможно двумъ господамъ работать, что богатство для него трудное иго: если онъ останется прежнимъ человѣкомъ

предъ нимъ открывается опасный путь, полный соблазновъ и искушеній. Онъ роздалъ имѣніе нищимъ и самъ сдѣлался нищимъ. Теперь Николай Матѣевичъ не сталъ имѣть своего крова, не имѣлъ гдѣ главу преклонить. Міръ счелъ его за безумца; дѣйствительно, съ мірской точки зрѣнія его поступокъ былъ страннымъ, ненормальнымъ, безумнымъ. Николая Матѣевича занимало то, что едино на потребу. Онъ отдался молитвѣ. Утромъ можно было его видѣть постоянно за богослуженіемъ въ храмахъ города; ночью, когда всѣ спали, онъ отдавался бесѣдѣ съ Богомъ въ тиши, въ уединеніи, гдѣ его никто не видѣлъ. Покойный Андрей Ивановичъ Бѣляковъ до нѣкотораго времени считалъ Рынина сумасбродомъ и даже смѣялся надъ нимъ. Какъ-то имъ пришлось быть вмѣстѣ на праздникъ въ Прилукахъ у общихъ знакомыхъ—Бабушкиныхъ. Хозяева оставили гостей ночевать, размѣстивъ ихъ въ смежныхъ комнатахъ. У Бѣлякова ночью разболѣлись зубы, да такъ сильно, что онъ ни на минуту не могъ заснуть. Въ теченіи ночи, какъ ни посмотритъ Бѣляковъ на постель Рынина, все она пуста. Куда пропалъ онъ? думаетъ больной. Ужъ предъ утромъ Бѣляковъ замѣтилъ Николая Матѣевича стоящимъ предъ иконами въ углу своей комнаты и горячо молящимся. Значить, онъ молился всю ночь, заключилъ тогда Бѣляковъ, измѣнилъ свое прежнее мнѣніе о Рынинѣ, и замѣчательно, что даже зубная боль у него съ того момента прекратилась. Когда Николай Матѣевичъ заходилъ въ родительскій домъ, многіе видали, что онъ бывало въ лѣтнее время сядетъ въ открытое окно и, обратившись лицомъ къ Власіевскому храму, поетъ, забывая все окружающее, церковныя пѣснопѣнія. Любимымъ его мѣстомъ для молитвы и уединенія являлся Прилуцкій монастырь, отстоящій отъ Вологды въ 5 верстахъ, куда онъ часто ходилъ и подолгу пребывалъ: у раки Преподобныхъ Димитрія и Игнатія, на паперти храма, въ тѣни деревьевъ. Замѣчательно, что любовь къ обители Св. Димитрія передалась отъ дяди къ глемянницѣ, которая тоже, оставивъ радости міра, проводила жизнь какъ птица небесная, научая насъ своимъ примѣромъ не пристращаться къ землѣ, помнить о своемъ высокомъ назначеніи, о Царствѣ Божіемъ.

Николай Матѣевичъ скитался съ мѣста на мѣсто, подолгу проживалъ въ Вологдѣ, Кадниковѣ, Тотъмѣ, гдѣ не мало было лицъ, его уважавшихъ. Онъ ходилъ съ большимъ посохомъ въ рукъ, зимой и лѣтомъ безъ шапки (иногда голову повязывалъ полотенцемъ), въ синемъ холщевомъ балахонѣ; подъ нимъ онъ носилъ длинную бѣлую рубаху, на ногахъ кожаные опорки. Велъ себя Николай Матѣевичъ какъ то странно. Придетъ, бывало, къ знакомымъ запачканный смолой, пригласятъ пить чай, выпьетъ полчашки, а остальное выльетъ себѣ на голову. Огневый взглядъ его черныхъ глазъ проникалъ въ глубину сердца. Иные боялись

Рынина, боялись его обличенія. Не смотря на внѣшнюю строгость, онъ обладалъ любвеобильнымъ, нѣжнымъ сердцемъ.

Рабъ Божій попадалъ и въ домъ умалишенныхъ. Конечно, почтеніе къ нему отъ этого не уменьшалось, если не увеличивалось. И туда многіе ходили къ нему за совѣтомъ. Вотъ что рассказываетъ устами своего ученика о своемъ, вмѣстѣ съ родителями, посѣщеніи Рынина въ сумасшедшемъ домѣ извѣстный вологжанинъ Архимандритъ Николо-Угрѣшскаго монастыря Пименъ, тогда еще Петръ Димитріевичъ Мясниковъ, рѣшившійся принять иночество и предъ столь важнымъ шагомъ жизни отправившійся поклониться святынямъ Кіева, чтобы у Печерскихъ подвижниковъ испросить благословіе на трудный путь монашества. „Рынинъ былъ изъ Вологодскаго купечества, лѣтъ слишкомъ сорока, высокій, худошавый, съ длинными растрепанными волосами и черной бородой; говорилъ отрывисто и скороговоркой, густымъ хриплымъ басомъ. Рынинъ ходилъ по комнатѣ, былъ въ веселомъ расположеніи духа, встрѣтилъ вошедшихъ съ посохомъ въ рукѣ и, постукивая имъ по полу, повторялъ неоднократно: „Никола никуда не ходитъ, Никола никуда не ходитъ“. Впослѣдствіи о. Пименъ вспомнилъ, что дѣйствительно вся жизнь его прошла подъ особымъ покровительствомъ Святителя Николая: онъ родился въ приходѣ Николы на площади (въ Вологдѣ), росъ у Николы на Глинкахъ (здѣсь былъ домъ родителя о. Пимена) и поступилъ въ 1834 г. къ Николѣ на Угрѣшу, находился до своей кончины, болѣе 46 лѣтъ, на одномъ и томъ же мѣстѣ. Интересенъ другой случай въ жизни о. Пимена. „Мы были еще дѣтьми, сестры и я, рассказывалъ о. Архимандритъ. Думаю, что это случилось въ началѣ 1820 годовъ, мы какъ-то разъ сидѣли и учились, вдругъ вбѣжалъ въ комнату Николай Матѣевичъ Рынинъ и громко какимъ-то неистовымъ голосомъ сталъ кричать: „Готовьте на ризы, на рясы, на шапки, на шапки“, приговаривая и еще что-то такое; но только тогда никто изъ старшихъ не обратилъ на это вниманія, а мы, дѣти, не поняли, а можетъ быть и перезабыли“... (Архим. Пименъ. Москва 1881 г. стр. 17). И что же? Не смотря на крутой характеръ отца, не слишкомъ расположеннаго къ монашеству, двѣ дочери съ согласія родителя ушли въ Горицкій Троицкій монастырь, а Петръ Димитріевичъ подъ влияніемъ чтенія Библии и бесѣдъ съ извѣстнымъ епископомъ Игнатіемъ Брянчаниновымъ, тогда еще послушникомъ, почувствовавшій стремленіе къ иночеству получилъ благословіе отца и сдѣлался впослѣдствіи извѣстнымъ Архимандритомъ, котораго Архіепископъ Леонидъ (Ярославскій) называлъ „самородкомъ золота“.

Рынина считали провидцемъ. Было не мало поводовъ видѣть въ немъ необычнаго человѣка, въ его рѣчахъ—особенный смыслъ, ясно открывавшійся потомъ, по времени, а иногда тутъ же въ моментъ произнесенія ихъ. Замѣчательенъ случай, передаваемый

благочестивой старушкой 93 лѣтъ, дворянкой Татьяной Алексѣвной Чуровской. Къ ней часто ходилъ Николай Матѣевичъ. Однажды она сидѣла у себя въ квартирѣ и разговаривала съ братомъ—помѣщикомъ. Взглянувъ случайно въ окно, она увидѣла на углу улицы Рынина. Вотъ Николай Матѣевичъ идетъ, сказала она брату.

— Это шатунъ-то? Онъ только бродить, да народъ обманываетъ, замѣтилъ помѣщикъ.

Рынинъ сталъ подходить къ дому и Татьяна Алексѣвна зазвала его: „Николай Матѣевичъ, зайди къ намъ!“ крикнула она ему въ окно.

— Ладно, матушка, зайду, отвѣчалъ онъ съ улицы. Скоро Рынинъ былъ въ лакейской (прихожей) и, къ удивленію хозяйки, дальше лакейской не шелъ, чего ранѣе съ нимъ не случалось.

— Николай Матѣевичъ, проходи въ комнату, любезно приглашала его хозяйка.

А онъ отвѣчалъ:—да стоитъ-ли, матушка, въ комнату-то заходить мнѣ, шатуну, да обманщику, что бродить да народъ обманываетъ?

При этихъ словахъ у брата волосы на головѣ встали дыбомъ.

Таже Чуровская рассказываетъ, что въ одно изъ своихъ посѣщеній Николай Матѣевичъ засталъ у нея пріѣхавшую изъ деревни двоюродную сестру, помѣщицу. У Рынина въ рукахъ была трехкопѣечная восковая свѣчка.

— Возьми свѣчку, возьми, подавая ее сестрѣ, говорилъ онъ.—

— На что же мнѣ свѣчка, Николай Матѣевичъ? возразила женщина.

— Возьми, возьми, пригодится, настаивалъ онъ. Возвратившись домой, сестра узнаетъ, что у нея скоропостижно умерла дочь и свѣчка, дѣйствительно, пригодилась къ панихидѣ.

Въ Вологдѣ распространилась холера. Народъ умиралъ. Однажды, въ воскресный день, Николай Матѣевичъ вошелъ въ храмъ Зосимы и Савватія, гдѣ молилась губернаторская семья, и всталъ рядомъ съ губернаторомъ. Юродивый весь былъ покрытъ смолой. Губернаторъ отодвинулся отъ него.—Я боюсь, чтобы не заразился, сказалъ Рынинъ...

Вскорѣ отъ холеры умерла сестра губернатора, но самъ губернаторъ остался невредимъ. Появленіе въ городѣ холеры Рынинъ предвѣщалъ заранѣе. Мѣщанка Анна Шицъ—на, 83 лѣтъ, рассказываетъ, что однажды, придя къ нимъ въ домъ, онъ сталъ настойчиво требовать, чтобы мать ея помазала всѣ углы дома дегтемъ.

— Купи дегтю, говорилъ онъ, здѣсь помажь и здѣсь, и здѣсь указывалъ палкою на всѣ углы комнаты.

— Да зачѣмъ же это, Николай Матѣевичъ? недоумѣвала мать.

— Надо, твердилъ онъ, купи дегтю, помажь.

Мать, чтившая Рынина, исполнила его приказаніе, поставила

въ каждый уголь дома по пузырьку съ дегтемъ. Черезъ недѣлю въ городѣ открылась холера, многіе умирали, но семейные Пищ—ной избавились отъ посѣщенія ихъ дома страшной гості.

— Моей матери предсказаль мое рожденіе, передавала намъ благочестивая старушка Г. С. Гр—ва.—Родители мои жили въ Кадниковѣ и занимались торговлею. До меня у нихъ родилось три дѣвочки. Матери страшно хотѣлось имѣть сына. Когда она носила меня во чревѣ, случилось ей быть въ Вологдѣ. Идетъ по улицѣ, а на встрѣчу ей Николай Матѣевичъ, и вдругъ, безъ всякаго съ ея стороны повода, отвѣчаетъ ей на занимавшій ее вопросъ:—Здравствуй, кукла (любимое выраженіе), говорятъ, что въ какомъ-то городѣ купчиха дѣвочку родила.

— Это ты мнѣ, Николай Матѣевичъ, предсказываешь опять дѣвочку, запечалилась мать.

Родилась я. Рассказывали, что Рынинъ былъ въ день моихъ крестинъ въ нашемъ домѣ и послѣ того мать мою звалъ кумой.

Въ Кадниковѣ Николай Матѣевичъ радушный пріютъ находилъ въ домѣ Дьякова, но съ любовью его принимали многіе горожане и весьма дорожили его посѣщеніями. Для Божьяго человѣка рады были сдѣлать все. Однажды, передаетъ та же Гр—ва, мылся онъ въ нашей банѣ. Сердечная мать подумала про себя: дать бы Николаю Матѣевичу бѣлье (у него все одно), но какъ предложить? Задумалась. Вымылся гость и вдругъ бѣжитъ изъ бани нагой, только чресла свои препоясалъ старой рубашкой.— „Кума, дай бѣлье-то!“ Онъ узналъ мысли хозяйки.

Домъ нашего отца, сообщалъ намъ К. П. Пан—евъ, находился у Николы на Глинкахъ. Разъ ночью Рынинъ стучится въ окно.— Вы вѣдь горите, кричить онъ своимъ хриплымъ голосомъ. Посмотрѣли, нѣтъ ничего. Успокоились. Телеграфа тогда не было. Потомъ оказалось, что въ тотъ день и часть, въ который стучался Рынинъ, сгорѣла наша мельница въ Архангельскѣ.

— Рынинъ имѣлъ даръ прозорливости, рассказывала одна интеллигентная женщина Л. Д. Мило—ва. Извѣстны мнѣ такіе случаи. Моей знакомой старушкѣ онъ далъ нѣсколько кусочковъ сахара. Она бережно хранила ихъ въ сахарницѣ, гдѣ находились у нея деньги.—Деньги не переводились, такъ что ими она нрѣдко снабжала и своихъ родственниковъ. Вдругъ сахаръ растаялъ, перевелись и деньги.—Одному гимназисту Николай Матѣевичъ говорилъ, указывая рукой на небо: „высоко поднимешься“. Тотъ кончилъ университетъ, хорошо служилъ и достигъ солиднаго поста Предсѣдателя Судебной Палаты. Моему свекору О. Ан—ю онъ предсказаль пожаръ въ О—ѣ, гдѣ священствовалъ свекоръ, дѣйствительно сгорѣла церковь и дома причта. Несчастія Рынинъ многимъ предвѣщалъ. Разъ, сообщаетъ Пищ—на, приходитъ онъ къ нѣкоей Марѣ Ивановнѣ, портнихѣ, и говоритъ ей: Марья Ивановна, умойся.—Да я уже умылась, Ни-

колай Матѣевичъ.—Нѣтъ, умойся, умойся, черна ты больно, настаиваетъ Рынинъ. Вечеромъ она скоропостижно скончалась.

Другой случай. Рынинъ былъ въ Грязовицѣ. Зайдя въ одинъ знакомый домъ, онъ говорилъ хозяйкѣ его: Помни 22 число, смотри, помни же.—Для чего мнѣ помнить это число?—Помни, тебѣ говорятъ, помни, наказывалъ онъ ей на прощаньи, причесть, выходя изъ дома, поставилъ въ дверь лопату. Это было въ октябрѣ мѣсяцѣ. Насталъ праздникъ Казанской Божіей Матери 22 числа. Хозяйка дома заболѣла и умерла.

— Своему родному брату Ивану, рассказываетъ старушка Ан. Авд—ая,—Николай Матѣевичъ предсказалъ печальную кончину за много лѣтъ. Вбѣгаетъ онъ разъ въ комнату и накидываетъ на шею брату веревку. Иванъ Матѣевичъ окончилъ свою жизнь самоубійствомъ, задавившись на чердакѣ своего дома. Племяннику своему, Николаю Ивановичу, Рынинъ провѣщалъ жалкую судьбу.

— Убить бы его лучше, кричалъ онъ при видѣ только что родившагося у Ивана Матѣевича сына. Всѣ дивились необыкновенной выходкѣ юродиваго. Выросъ Николай Ивановичъ, женился на дочери богатаго человѣка Шергина, взялъ значительное приданое, но рано овдовѣлъ, запилъ, прекратилъ отцовскія дѣла, продалъ домъ и умеръ, оставивъ мать, Надежду Н—ну, влачить печальное существованіе и скорбѣть о своей тяжелой долѣ.

Рынинъ былъ вхожъ и къ знатнымъ въ городѣ лицамъ, въ томъ числѣ къ мѣстному владыкѣ. Является онъ однажды къ преосвящ. Онисифору и говоритъ: у тебя въ шкафѣ-то 16 подрясниковъ, дай мнѣ одинъ.—На что же тебѣ? поинтересовался владыка.—Дай, дай!--Владыка распорядился удовлетворить желаніе юродиваго. Получивъ подрясникъ, Рынинъ вышелъ и во дворѣ архіерейскаго дома встрѣтилъ бѣдно одѣтаго человѣка, идущаго подать прошеніе владыкѣ объ опредѣленіи его на мѣсто. Ему и передалъ онъ владычный подарокъ.

ИЗЪ ПРИХОДСКОЙ ЖИЗНИ.

(Выписки изъ отчета Благочиннаго 2 округа Сольвычегодскаго уѣзда, Священника Петра Баданина о состояніи церкви подвѣдомственнаго ему округа за 1908 годъ).

1.

Мольба безъ пива.

Священникъ Богоявленской Вилегодской церкви Александръ Манаковъ сумѣлъ расположить прихожанъ устроить мольбу безъ пива. Вотъ какъ это было. Въ Богоявленскомъ приходѣ идетъ постройка новаго каменнаго храма, прихожане стали настойчиво поговаривать: „идетъ постройка, не худо бы устроить мольбу; вѣдь раньше никакая крупная церковная работа не производи-

лась безъ мольбы, потому что мольба даетъ казнѣ доходъ“. Въ приходяхъ округа за послѣдніе 13 лѣтъ не бывало ни одной мольбы, потому что мольба съ пивомъ запрещена, а устроить мольбу безъ пива никто не могъ додуматься. Раньше бывало такъ: собираютъ на мольбу хлѣбъ, фунтовъ отъ 5 до 10 и болѣе съ души, изъ хлѣба варятъ пиво, при чемъ казна отпускаетъ отъ себя хмѣль; затѣмъ въ назначенный день привозятъ пиво на погостъ и послѣ обѣдни распиваютъ; къ готовому пиву прибавляютъ своей водки и получается полная картина пьянства съ шумомъ, всякимъ безобразіемъ и нерѣдко дракой. Казна же за такое угощеніе пользуется кой-какими приношеніями, которыя, за вычетомъ расходовъ на хмѣль, равняются почти грошамъ. Въ виду настойчивыхъ требованій прихожанъ устроить мольбу по прежнимъ порядкамъ, священникъ Александръ Манаковъ на соборѣ 27 Октября разъяснилъ, что мольба съ пивомъ грѣховна, она представляетъ собою оскорбительное для чистоты молитвеннаго чувства прикрытіе чревоугодія и потому строго воспрещена распоряженіями Епархіальнаго Начальства. Между тѣмъ мольба въ чистомъ ея видѣ, т. е., какъ молебствіе въ умилоствленіе Бога или въ благодарность за полученныя милости, соединенная съ приношеніемъ въ пользу Церкви, весьма желательна. Вотъ у насъ цѣлое лѣто велась постройка, шла заготовка матеріаловъ, теперь работы закончены, слѣдуетъ поблагодарить Бога за Его помощь и попросить милости на будущее время. А благодареніе не худо соединить и съ приношеніемъ. Затѣмъ было предложено: назначить извѣстный день, отслужить торжественное Богослуженіе: накануне всенощное бдѣніе, въ самый день литургію и молебенъ; къ назначенному дню приурочить сборъ по приходу въ пользу Церкви хлѣбомъ, вмѣсто раскладочнаго на пиво, съ тѣмъ, чтобы весь собранный хлѣбъ шелъ на постройку храма. Такое предложеніе большинствомъ было встрѣчено не сочувственно и лишь меньшинство высказалось: „такъ будетъ хорошо, еще охотнѣе иной пожертвуетъ, если будетъ знать, что его жертву не пропьютъ“. Этотъ здравый голосъ меньшинства далъ основаніе къ назначенію мольбы въ новомъ видѣ. 9 Ноября—мольба. Наканунѣ совершено всенощное бдѣніе храму, народу полная церковь; въ самый день—утреня, литургія и молебенъ Св. Троицѣ съ водосвятиемъ и провозглашеніемъ на многолѣтій и „создателямъ и благотворителямъ вновь созидаемаго храма“. Произведенный предъ этимъ днемъ сборъ на мольбу далъ: 50 пудовъ муки, 10 пудовъ ржи и 2 пуда льна. Кромѣ того, въ самый праздникъ значительный сборъ на тарелку храмовой иконѣ“.